

Научная статья

УДК/UDC 130.1/3-29:323.2:340

DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-63-73

Противодействие политическому экстремизму и терроризму в системе публичного управления национальной безопасностью России

М.Г. Курбанов

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Региональный центр этнополитических исследований, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, kurbanovm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6231-7535>

Аннотация. Система управления национальной безопасностью России, наряду с закрытыми и секретными направлениями, нуждается в постоянном совершенствовании открытых, публичных сфер деятельности. Публичное управление может быть эффективным только на основе комплексной, научной, адресной проработки всех решаемых проблем. Цель статьи состоит в исследовании научно-технологических ресурсов и коммуникативных возможностей системы публичного управления процессами противодействия общему деструктивному потенциалу политического экстремизма и терроризма в ходе реализации стратегии национальной безопасности России. При решении этих проблем и задач первостепенную роль в методологии исследования играют системный подход, а также методы стратегического проектирования, программирования, теоретического моделирования, гипотетико-дедуктивной идеализации. В ходе исследования установлено, что программируемая стратегия национальной безопасности является не только правовым обеспечением, но и может быть организационным основанием для унифицированных, практических действий, направленных на развитие и укрепление полноценной политической стабильности, суверенности и самодостаточной государственности России. Публичное управление больше всего востребовано в той сфере, которая относится к явлениям стихийного массового поведения людей. Именно массовое поведение людей более всего нуждается в рационально организованных направлениях деятельности. Автор приходит к выводу о том, что в стратегическом программировании идеологического противодействия политическому экстремизму и терроризму могут не только технологически моделироваться, но и оперативно модифицироваться инструментальные меры и институциональные механизмы, реализация которых предполагает системную, согласованную последовательность действий всех компетентных органов и общественных организаций, вовлеченных в практику преодоления политического экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: общество, публичное управление, государственное управление, стратегия, политический экстремизм, терроризм, национальная безопасность

Для цитирования: Курбанов М.Г. Противодействие политическому экстремизму и терроризму в системе публичного управления национальной безопасностью России // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 50, № 2 (70). С. 63–73. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-63-73

Original article

Countering political extremism and terrorism in the system of public administration of national security in Russia

Musa G. Kurbanov

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Regional Center for Ethnopolitical Studies, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, kurbanovm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6231-7535>

Abstract. The national security management system of Russia needs constant improvement of open, public spheres of activity. Public administration can be effective only on the basis of a comprehensive, scientific, targeted study of all the problems to be solved. The purpose of the article is to study the technological resources and capabilities of the system of public administration of the processes of countering to political extremism and terrorism in the course of realizing Russia's national security strategy. Public administration is most in demand in the field of studying the phenomena of spontaneous mass behavior of people. It is the mass behavior of people that most of all needs rationally organized activities. The author concludes that in the strategic programming of ideological counteraction to political extremism and terrorism, instrumental measures and institutional mechanisms can be not only technologically modeled but also operationally modified, and realization of it presupposes a systematic, coordinated sequence of actions of all competent authorities and public organizations involved in the practice of overcoming political extremism and terrorism.

Keywords: society, public management, public administration, strategy, political extremism, terrorism, national security

For citation: Kurbanov M.G. Countering political extremism and terrorism in the system of public administration of national security in Russia. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2024, vol. 50, no. 2 (70), pp. 63–73. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-50-2-63-73. (In Russ.).

Введение. Теория и практика организации современного противодействия политическому экстремизму и терроризму все больше подводит к выводу о росте их общего деструктивного потенциала, который не только ведет к их взаимопроникновению, но и усугубляется, приумножается экстремистским дополнением содержания терроризма, а также террористическим дополнением отдельных форм реализации экстремизма. По своей сущности «терроризм – это экстремизм в действии» [1, с. 16], практическое воплощение политического зла. В условиях динамизации современного общества вполне допустимо, что явления экстремизма и терроризма могут получать латентную интеграцию, сближаясь и позиционируясь в одно и то же время, в одном и том же месте, например, в формах массовых социальных беспорядков. И тогда они настолько сближаются, что разделить их методологическими средствами классической социологии и политологии уже невозможно. Современные угрозы политического экстремизма и терроризма возникают в условиях остаточных негативных явлений и запоздалых решений глубинных социальных проблем, которые отклоняются от нормальных экономических, политических, религиозных или социальных стандартов [2]. Эти проблемы и связанные с ними угрозы могут наиболее эффективно преодолеваются только последовательными и слаженными усилиями государства и общества. В этой связи между обществом и государством формируются и включаются в действие новые цивилизационные возможности и механизмы публичного управления. Феномен публичного управления, как инновационный элемент политической и гражданской культуры населения, основан на развитии социального доверия между государством и обществом. Публичное управление представляет собой открытое и согласованное усилие общественных организаций и государственных органов власти, развитие опыта совместного ведения дел, направленных на достижение общего блага и гармоничного развития как для государства, так и для общества. В динамичных условиях, связанных с быстрыми социальными переменами и потрясениями, возникает потребность интенсивного формирования новых инструментов и технологий социального публичного управления и, прежде всего, конвенциональных, ценностно-целевых, информационно-коммуникационных, дискурсивных и других технологий, реализуемых путем общественных слушаний, общественных обсуждений в средствах массовой информации, в общественных организациях, в независимых эксперт-

ных сообществах и др. От научной разработки современных технологических средств и до конечного результата их внедрения, – проблемы безопасности общества и государства востребованы в качестве общего дела согласованных усилий. Между разными слоями и институтами гражданского общества всегда возникают социальные проблемы, ведущие, порой, к напряжениям, конфликтам, стрессам, потрясениям, которые, в свою очередь, могут своевременно и эффективно решаться на основе и в сочетании с правовыми формами и технологиями государственного управления. В таких разрывах социальной ткани становится актуальным формирование системных механизмов и технологий публичного управления, нацеленных на прошивку и преодоление затяжных конфликтов, острых, злободневных проблем, вызывающих стрессогенные потрясения в обществе. В связи с этим в социально-политологических дисциплинах заимствуется из области психологии тематика стрессоустойчивости, которая концептуализируется как «способность государств и обществ реформироваться, тем самым выдерживая внутренние и внешние кризисы и восстанавливаясь после них» [3, с. 137]. Но результаты и темпы такого восстановления в либеральном, консервативном и демократическом социуме не могут быть одинаковыми [4]. Если в либеральном социуме «каждый сам за себя», то в демократическом социуме «один за всех и все за одного». В условиях политического либерализма «главный недостаток концепции стрессоустойчивого развития состоит в том, что в ней не предусмотрены инструменты, направленные на улучшение положения наименее защищенных групп населения» [5, с. 26].

Когда представительство общественных организаций во власти незначительное, то в обществе воспринимают любую политику государства как «грязную, коррумпированную сферу, где доминируют элиты, от которой мало пользы и которая, поэтому, не заслуживает почти никакого уважения» [6, р. 10]. Имеющийся отечественный задел для этого состоит в том, что во многих государственных органах власти создаются, эффективно действуют и регулярно обновляются общественные советы во главе с Общественной палатой на уровне Федерации и в каждом из субъектов РФ [7]. Через общественные советы публичное управление реализуется в формах общественного сознания, в идеологемах, в императивах и стереотипах отношении нетерпимости к политическому экстремизму и терроризму. В этих условиях роль системы государственного управления не просто возрастает

и усиливается, но и получает новый горизонт возможностей и перспектив, обогащающих качество, свойства и состояния устойчивой и сильной государственной власти в целом, направленной на развитие общества, особенно в сфере обеспечения национальной безопасности. В условиях последовательного укрепления гражданской солидарности общества и политической устойчивости российского государства попытки силового шантажа и политического давления, подобные тем, что совершила группа ЧВК «Вагнер», могут иметь только негативные последствия. Призывы представителей ЧВК «Вагнер» к гражданам России о широком участии в несанкционированных митингах и акциях протеста в поддержку незаконных действий ЧВК «Вагнер» были обречены на провал¹.

В ходе динамичного публичного управления консолидируются и вступают в многомерно комбинированные взаимодействия различные социальные инструменты, технологии и организационные механизмы – правовые, политические, психологические, лингвистические, информационные, когнитивные технологии, которые можно использовать исходя не только из общей, унифицированной модели социально структурированного и цивилизованно омасовленного человека, но и с учетом конкретной специфики массовых социальных явлений. В ходе использования социальных технологий, зачастую, оказывается, что социальная сторона неотделима от механической стороны производимых действий. Здесь необходимо учитывать, что «любая попытка отделить социальное от несоциального не только нарушает методический принцип изучения технологических процессов, но и просто невозможно, поскольку социальное насквозь пронизывает техническое и, таким образом, не может быть от него отделено» [8, р. 285]. Поэтому наукоемкое использование любых социальных технологий в ходе публичного управления процессами обеспечения национальной безопасности нуждается в мерах оперативного контроля и мониторингового сопровождения.

Национальная безопасность и политическая стабильность. Явления политического экстремизма и терроризма, актуализирующиеся в условиях специальной военной операции (СВО), продолжают оставаться основными угрозами, блокирующими равномерное развитие современного российского общества. Политический терроризм и экстремизм все чаще упоминаются вместе по той причине, что в их основании находится общий базовый посыл, общий социально-деструктивный негатив, который состоит в том, что прямо или

косвенно они используют насилие для достижения собственных целей, или потому что они красные и не толерантны к другим точкам зрения [9]. В любом обществе они задают деструктивное направление, чреватое угрозой социального катастрофизма и разрушения для любого государства [10]. Причем как терроризм, так и экстремизм, особенно в политической сфере, могут нести в себе опасную угрозу для национальной безопасности. Причем эта угроза, при любом региональном раскладе ее распространения, может получать и глобальные значения, независимо от того, имеет ли она ситуативное или перманентное и латентное действие [11]. Переплетаясь между собой, многие экстремистские и «террористические» тенденции возникают вследствие социальной дезадаптации и асоциальных диспозиций субъекта» [12, с. 49], которые обычно обусловлены искажениями образов традиционной идентичности устойчивого уклада повседневной жизни.

Системный характер современных угроз национальной безопасности России обуславливает необходимость в научно-технологическом обеспечении и правовом сопровождении открытого, публичного политического планирования в сфере национальной безопасности. Современный политический экстремизм и терроризм являются системными угрозами национальной безопасности ввиду этого, полноценное, эффективное преодоление и комплексное противодействие им должно осуществляться исключительно на технологически регламентированной, институционально спланированной, стратегической основе [13].

В каждом цивилизованном государстве на легитимном уровне предусматривается и разрабатывается адекватная существующим угрозам институциональная система мер, надежно и своевременно обеспечивающая национальную безопасность. Для этого в Российской Федерации, с учетом интересов всех слоев общества, была разработана и принята к исполнению Стратегия национальной безопасности², не только предусматривающая совершенствование системы государственного управления и стратегического планирования, но и целенаправленно способствующая всемерному «сбережению народа России, развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни и благосостояния граждан, укреплению обороноспособности страны, единства и сплоченности российского общества, достижению национальных целей развития, повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации»³.

¹ См.: Обращение Национального антитеррористического комитета «Об ответственности граждан в условиях правового режима КТО» от 24 июня 2023 г. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytyi/ob-otvetstvennosti-grazhdan-v-usloviyah-pravovogo-rezhima-kto.html> (дата обращения: 12.10.2023).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/> (дата обращения: 12.10.2023).

³ Там же.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации представляет собой технологически выверенную программу долгосрочного комплексного планирования в осуществлении приоритетных направлений деятельности всех государственных и общественных институтов, нацеленных на обеспечение национальной безопасности. В Стратегии, исходя из объективного положения общества и государства, установлены меры по реализации национальных приоритетов, среди которых решающим является приоритет «сбережения народа России и развитие человеческого потенциала»¹. В Стратегии акцентируются конкретные целевые действия и, прежде всего, – «защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»².

Стратегия национальной безопасности выражает системные принципы и наиболее общие направления, нацеленные на всемерное обеспечение и адресное сопровождение предпринимаемых действий в решении практических задач по предотвращению возникающих угроз. Сложность этой ситуации состоит в том, что одна и та же решаемая проблема может требовать разных мер, затрат и усилий, которые определяются в зависимости от различных условий. Точно так же похожая ситуация в одинаковых условиях может требовать разные проблемные решения. Наряду с системным подходом, реализующим методологические возможности исследования, первостепенную роль здесь играют методы прогностического проектирования обозримого пути развития общества, технологическое программирование и теоретическое моделирование условий, требований и возможностей по всестороннему и комплексному противодействию, в том числе и профилактике, политического экстремизма и терроризма.

Стратегия не предназначена для детализации конкретно-ситуативных оснований и способов оперативно-тактического противодействия угрозам политического экстремизма и терроризма. В разработке программных документов – «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»³ и «Концепция противодействия

терроризму в Российской Федерации»⁴, – учитываются не только адекватные социально-технологические меры, но и преемственность, и последовательность, и эффективность предпринимаемых усилий в устранении угроз и опасностей по мере их возникновения и нарастания.

Основной формой в реализации Стратегии национальной безопасности по противодействию политическому экстремизму и терроризму является технологическая система уголовно-правовых и административно-правовых мер, направленных на выявление и пресечение экстремистской и террористической деятельности. Если политический экстремизм охватывает только политическую сферу в современной жизни общества, через которую он опосредованно распространяется на все остальные, то терроризм на системном уровне непосредственно несет угрозу для всех сфер общественной жизни. Поэтому национальная безопасность России как общества и федеративного государства складывается в зависимости от системно взаимодействующих сфер общественной жизни, которые в разных регионах, несмотря на общее правовое пространство, сочетаются в самых различных пропорциях. Это такие сферы субъектов РФ и других ее региональных общностей, как культурно-исторические, социально-экономические, природно-климатические, ментально-политические, этнодемографические, информационно-технические и другие. Поэтому достижение стратегических целей, направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности, систематизировано и целенаправленно осуществляется на основе решения целого ряда конкретных стратегических задач. С учетом регионального многообразия в одних регионах решение поставленных задач может иметь потенциальное или латентное значение, а в других – самое очевидное, незамедлительное и актуальное значение. Теоретически нивелировать такое конкретно-практическое, региональное многообразие федеративного устройства позволяет гипотетико-дедуктивная идеализация, нацеленная на разработку межведомственных технологических алгоритмов согласования и корреляции в упорядочении общего конституционного строя.

На системном уровне общественной жизни все технологически последовательные действия по устранению возникающих угроз прямо или косвенно связаны между собой и должны адекватно (пропорционально) учитываться в противодействии

терроризму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/> (дата обращения: 12.10.2023).

¹ Там же.

² Там же.

³ Об утверждении Стратегии противодействия экс-

политическому экстремизму и терроризму с учетом сложной региональной специфики. Таким образом, реализация концептуальных и методологических требований системно-технологического характера может осложняться тем, что в разных региональных значениях и проявлениях те или иные меры и усилия могут восприниматься как излишние или избыточные, но четкий, пропорциональный и адресный характер их действия в каждом регионе подтверждает, что полноценное преодоление политического экстремизма и терроризма в едином правовом поле возможно лишь на организованной, слаженной, систематической основе.

Система национальной безопасности играет важнейшую роль в существовании и развитии современного многополярного мира. В научной литературе понятие национальной безопасности получило широкий и узкий смысл, что вызывает споры и дискуссии в разграничении этих смыслов. В узком смысле слова национальная безопасность сводится только к национальной специфике и понимается как способ приоритетного обеспечения и продвижения национальных интересов страны, выражающих потребности в развитии гражданских форм национальной жизни. Для преодоления отдельных негативных, архаично-этнических стереотипов в нашей стране научно прорабатывается и административно продвигается политически востребованный концепт реального государственного статуса российской нации.

В широком смысле национальная безопасность охватывает весь общественный и государственный порядок жизни российской цивилизации, направленный на устойчивое совершенствование и всемерное гарантированное обеспечение прав, свобод и интересов граждан. В этом обобщенном смысле национальная безопасность представляет собой такую деятельность страны, в которой государство и общество вступают в нерасчлененное единство и тождество, без каких-либо различий между ними. Такая согласованность становится исторической необходимостью в жизни государства и общества, ибо она направлена на защиту своих общих интересов от внешних и внутренних угроз, полноценное обеспечение и реализацию всех прав и свобод граждан, мир и согласие в стране, охрану суверенитета, независимости и целостности страны. Современный миропорядок вступил в такую фазу развития, при которой не все страны мира озабочены поддержанием своей национальной безопасности и перекладывают эту ответственность на другие страны (или блок стран), от которых они зависят. В нашей стране национальная безопасность является необходимым основанием для достижения полноценной политической стабильности, суверенности и самоидентичной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, направленную на всесторонний рост благосостояния народа. В связи с этим преодоление поли-

тического экстремизма, радикализма и терроризма является таким же необходимым условием, при котором обеспечивается политическая стабильность и процветание общества.

Существенную роль в системе сохранения, обеспечения и устойчивого поддержания национальной безопасности играют следующие ее формы:

- государственная безопасность (защита государственного строя, граждан и государственных органов власти),
- общественная безопасность (защита общественных устоев, защищенность человека и социальных групп),
- экономическая безопасность (защита труда, капитала и собственности),
- техногенная безопасность (защита от угроз технического характера),
- экологическая безопасность (защита среды обитания, природных ресурсов и заповедников, с учетом стихийных бедствий и угроз),
- энергетическая безопасность (защита систем энергоснабжения, энергопотребления, энергосбережения),
- информационная безопасность (защита информационных ресурсов от деструктивных лингвистических угроз и киберугроз)
- медицинская и психологическая безопасность (защита от угроз здоровью тела и души).

На современном этапе появляются такие формы национальной безопасности, которые раньше не возникали, не замечались, или не имели существенного значения. Это, например, этническая, демографическая безопасность, связанные с гуманитарными катастрофами в очагах боевых действий, вызывающих глобальные миграционные потоки; финансовая безопасность, связанная с утечкой капиталов; интеллектуальная безопасность, связанная с «утечкой мозгов», лингвистическая безопасность, связанная с угрозами засорения родного языка ненормативной лексикой.

В оценке состояния национальной безопасности выделяется четыре уровня. Во-первых, абсолютная или полная безопасность, при которой опасности и угрозы системно устранены, функционально отсутствуют или совсем не существуют в определенном месте и времени. Во-вторых, достаточная безопасность, приемлемая для равномерного и устойчивого развития страны или какой-либо ее территории. В-третьих, предельная безопасность, которая означает минимально допустимый уровень, ниже которого риски, угрозы и опасности считаются неприемлемыми и требуют вмешательства по их пресечению. В-четвертых, ложная безопасность, которая возникает из ошибочного понимания реальных угроз и опасностей, их игнорирования или иллюзорного восприятия.

В технологиях практической организации противодействия терроризму на муниципальном уровне принимаются во внимание все факторы

и условия, которые должны профилактически согласовываться в ходе публичного управления и систематизироваться с учетом характера реальных угроз. На отдельных участках территории Российской Федерации могут выборочно устанавливаться следующие три уровня террористической опасности: а) повышенный – если требуется проверка и подтверждение информации о реальной возможности совершения террористического акта; б) высокий – если известно о реальной возможности совершения террористического акта; в) критический – если известно о совершенном террористическом акте, либо о совершении действий, создающих непосредственную угрозу террористического акта.

Стабильное развитие общества и полноценная безопасность государства существенно зависят от тех социальных отношений, которые складываются между людьми. В отличие от человека, имеющего нравственный статус в обществе, гражданин в государстве имеет, кроме того, еще и правовой статус. Необходимость гражданской формы жизни людей в государстве состоит в том, что она снимает и выравнивает их национально-этнические, религиозно-конфессиональные и некоторые другие различия на основе добровольной свободы выбора убеждений, ценностей свободомыслия и идеалов социального равенства. Между реальным положением политической стабильности и способами ее восприятия в разных слоях общества всегда существует определенное идентификационное расхождение и различие, которое во многом зависит от разнообразия направлений в формировании политического самосознания. Это различие не только может быть условием для развития, но порой становится питательной средой для распространения угроз политического экстремизма. Такие опасения и угрозы для политической стабильности общества могут исходить из императивных предрассудков и других деформированных элементов политического самосознания, особенно тех, которые своим происхождением обязаны мифогенным стереотипам, этническим предрассудкам и другим пережиткам прошлого. Эти опасения и угрозы чреваты тем, что границы политической стабильности размываются, становятся шаткими. В связи с этим по всем принципиальным вопросам и злободневным проблемам современной жизни, с которыми связаны общенациональные интересы, всегда оказываются востребованными сбалансированные усилия всех слоев общества, направленные на стабильное развитие страны. Решающую роль здесь играет духовная культура народа, как сфера общей консолидации и устранения деструктивных процессов. Не менее важную роль в этом играют меры, повышающие доверие граждан ко всем органам власти, в том числе к правоохранительной и судебной системам, совершенствование организации механизмов общественного контроля и участия граждан в обеспечении национальной безопасности.

В связи с этим ясно, что профилактика экстремистских проявлений должна стать ведущим инструментом в обеспечении гражданского мира и политического согласия в обществе. В процессе профилактики экстремистской деятельности должны быть задействованы: а) широкие слои общества, прежде всего, в лице общественных организаций; б) авторитетные деятели науки, культуры, искусства, спорта в) культурно-исторические традиции и нравственные ценности народа; г) гуманитарные и социально-ориентированные технологии развития общества.

В зависимости от форм существования национальной безопасности могут складываться технологические программы негативной и позитивной безопасности, необходимость различения которых востребована в современных условиях. Если негативная безопасность складывается стихийно, как ответное реагирование государства на прямые угрозы политического экстремизма и терроризма, то позитивная безопасность организуется на основе опережающего устранения причин, порождающих политический экстремизм и терроризм, с разработкой стратегии и тактики противодействия и программируемого пресечения угроз политического экстремизма и терроризма. Поскольку позитивная безопасность нацелена на опережающее разрешение противоречий и конфликтов в обществе, то она обеспечивает гармоничное сочетание интересов всего общества и может развиваться только на основе механизмов публичного управления, всестороннего развития гражданских институтов, некоммерческих организаций и наукоемких гуманитарных технологий социального развития. Позитивная безопасность «постоянно оказывается динамичной и сложной конструкцией, требующей поэтапных модификаций, корректировок, балансировок и согласований между всеми слоями общества» [14]. Поэтому необходимо постоянно совершенствовать всю систему надежного обеспечения позитивной национальной безопасности. Для этого, начиная с муниципального уровня и выше, по всей вертикали власти, следует предусмотреть возможность мониторингового контроля за состоянием безопасности, который формируется в рамках межведомственной автоматизированной информационной системы, предназначенной не только для изучения, но и учета в раскладе и позиционировании существующих мнений и предложений различных слоев общества по совершенствованию мер обеспечения национальной безопасности.

В ряде случаев достижение целей позитивной безопасности общества может сопровождаться устранением мер, продиктованных результатами действий, связанных с обеспечением негативной безопасности. Это может выражаться в том, что в ходе столкновения разных и взаимоисключающих социальных интересов, достижение справедливости требует силового или властного вмеша-

тельства, разрешающего конфликт в пользу ближайшего или перспективного благополучия всего общества и государства.

Стихийное массовое поведение людей в системе обеспечения национальной безопасности. История развития форм стихийного массового поведения людей имеет обширный арсенал возможностей, условий, средств и способов реализации, охватывая и используя опыт всего пройденного человечеством пути от архаической дикости до современного цивилизованного совершенства форм общественной жизни [15]. Предпосылки и возможности стихийного формирования социальных явлений и связанной с ними экстремальной реализации лидерских отношений в условиях массового поведения и публичной власти всегда ставились в центр внимания людей [16].

Основной сферой распространения политического экстремизма и терроризма является стихийное массовое сознание и поведение людей, которые сами по себе к политическому экстремизму и терроризму не имеют прямого отношения. Феномен стихийного массового поведения и соответствующего ему сознания, возникает не только в местах массового пребывания людей. В условиях современного цивилизованного, многонационального, поликультурного, поликонфессионального общества, объединяющего в себе небывалое сочетание возможностей, тенденций и перспектив, этот феномен давно привлекает внимание ученых и специалистов.

Общий генезис и специфические пути формирования политического экстремизма и терроризма в разных социально-исторических системах имеют различный характер. Культурные и стихийно-исторические условия жизни больших общественных масс накладывают свой существенный отпечаток на способы и механизмы реализации политического экстремизма и терроризма не только в прошлом, но и в современном обществе. Здесь следует отметить, что, в отличие от политического экстремизма, терроризм принято считать выходящим за рамки общепринятой политической теории и практики. Любой терроризм по своему содержанию никогда не вписывается ни в какие правила человеческой жизни, даже если речь идет о политической борьбе, в ходе анализа которой применяется теоретическое описание при помощи политологических понятий, принципов и категорий.

Определяя природу и сущность зарождения и развития политического экстремизма и терроризма в современном мире, необходимо исходить из того, что наряду с общими, типологическими значениями складываются и уникальные, неповторимые его судьбы и значения в разных странах. Развитие политического экстремизма и терроризма от зарождения до наших дней является неоднозначным, сложным и противоречивым, поскольку в нём тесно переплетаются и взаимодействуют многие факторы объективного и субъективного свойства.

Комбинаторные сочетания и пропорции взаимодействия межнациональных, политических, социально-экономических, межконфессиональных, культурно-исторических и др. процессов в стране, или в отдельном регионе, могут вести к разным последствиям. Поэтому сравнительное понимание этих явлений в литературе неизменно имеет дискуссионный характер. Историческая традиция России всегда была нацелена на сотрудничество и взаимовыгодную интеграцию с соседними странами. В современном мире эта традиция обретает новый смысл, благоприятный для зарождения полноценного гражданского общества и правового государства, реализующего поликультурные, полиэтнические и поликонфессиональные идеалы.

Позитивная борьба с угрозами политического экстремизма и терроризма предполагает устранение и недопущение причин и условий, потворствующих экстремистской деятельности. Негативная борьба с политическим экстремизмом и терроризмом направлена на пресечение результатов и последствий экстремистской и террористической деятельности. В последнем случае политический экстремизм и терроризм преодолеваются силовыми, контртеррористическими мерами, на основе чрезвычайных мер и усилий, направленных на эффективное и решительное противодействие экстремизму и терроризму.

Деструктивно возникающие ситуации в жизни общества, доведенного до состояния слепой и покорной толпы, всегда начинаются с механического сочетания людей в случайно складывающемся экстремальном событии. Толпа возникает не только там, где случайно и одновременно собирается множество людей, произвольно связанных через общее событие и процесс, происходящий в повседневной жизни людей. Толпа может адресно возникать в зависимости от содержания экстремистских мобилизационных призывов в социальных сетях. Так, в Республике Дагестан, вечером 29 октября 2023 г. агрессивная толпа прорвалась в аэропорт Махачкалы в ожидании прибытия рейса из Тель-Авива. С криками «Аллаху Акбар» и флагами Палестины в руках протестующие заблокировали аэропорт и устроили массовые беспорядки, инспирированные через социальные сети, в том числе с территории Украины¹. Пресечение таких массовых беспорядков требует системных, организационных действий, в том числе профилактического характера, связанных с упреждением опасного симптома стихийной, деструктивной активизации экстремистских группировок, в которых возникло чувство агрессивной вседозволенности, сметающей силовые органы государственной власти. Гуманное отношение работников силовых ведомств к нарушителям правопорядка, как правило,

¹ См.: Информационный канал Lenta.ru: URL: https://lenta.ru/news/2023/11/02/putin_melikov/ (дата обращения: 03.11.2023).

воспринимается в массовом сознании как слабая позиция. В таких условиях агрессивная толпа воспринимает себя хозяином положения. Это очень опасный симптом для политической стабильности общества. Его надо купировать в зародыше. Стихийно возникающее лидерство в ходе массовых беспорядков не завершается происшедшим эпизодом экстремальной активности и может стимулировать угрозу рецидивных повторов по другим эпизодам с более опасными последствиями.

Через механизмы ситуативного омассовления толпа обезличивает сознание и поведение большинства участников, инстинктивно нивелируя разумное понимание происходящего. Превращая человека в стихийного соучастника, толпа делает его более доступным для примитивных, деструктивных манипуляций, запускаемых через механизмы инстинктов, обыденных императивов, мифогенных стереотипов и харизматичных манипуляций. В обезумевшей, омассовленной толпе стихийно появляются ситуативные харизматические лидеры, предчувствующие направленность массового действия, использующие механизм влияния и врожденные навыки управления массовым поведением, направленным на экстремальный результат, усугубляющий деструктивное, экстремистское положение дел в обществе.

В организации противодействия политическому экстремизму, терроризму и обеспечении национальной безопасности должны учитываться объективные и субъективные факторы. Оптимистические настроения в обществе могут вести к самоуспокоению и ложной уверенности в возможностях полного преодоления политического экстремизма и терроризма. В то же время, согласно мнению пессимистически настроенных политиков и экспертов, преступления экстремистской и террористической направленности в политической жизни общества никогда не будут сокращаться, а могут даже и возрасти. Соответственно, и меры упреждения и противодействия должны постоянно усиливаться. Здесь, как и в любом сложном явлении, требуется взвешенный подход. Объективный рост экстремистской и террористической активности во многом обусловлен снижением уровня социальной, политической, экономической стабильности и устойчивости в развитии общества. Это дает почву для роста недоверия к власти, ускорения радикализации определенных социальных слоев. Однако не следует проводить линейную, однозначную зависимость между усилением экстремистской, террористической активности и уровнем социально-экономической жизни. Безусловно, кризисные явления и снижение уровня жизни оказывают влияние на рост терроризма. Однако вспышки терроризма отмечаются и в экономически благополучных государствах. Если власть не уделяет достаточного внимания совершенствованию социальной структуры, наличию эффективных механизмов со-

циального балансирования и продвижения господствующих интересов, то это приводит к выключению части общества из легального политического поля, к возникновению ресурсной базы для роста экстремистских и террористических настроений.

Стратегия противодействия экстремизму как технология политической стабилизации общества. Политическая стабильность является основным условием равномерного, устойчивого и комплексного развития общества. Для этого требуется взвешенная, сбалансированная, научно обоснованная, социальная политика, направленная на благополучие всех слоев общества. Неравномерность в развитии общества, несбалансированность экономики в связи с СВО на Украине, санкционная политика Запада и неблагоприятные внешнеполитические тенденции современного миропорядка ведут к таким диспропорциям, которые стимулируют усиление политического экстремизма и терроризма.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации была разработана для уточнения, корректировки, конкретизации и системного согласования ключевых положений и принципов ранее принятых федеральных законов, направленных на эффективную организацию противодействия экстремистской деятельности, на устранение источников и прямых угроз национальной безопасности в связи с экстремистской деятельностью националистических, радикальных религиозно-этнических, других политизированных организаций, искажающих и разрушающих культурно-историческое, цивилизационное единство многонационального народа России, территориальную целостность страны. В Стратегии излагаются цели, задачи и направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, подчеркивается их общая направленность на объединение усилий всех органов власти, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц для пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства и согласия народов России.

Особого внимания требуют практические разработки силовых технологий в организации противодействия терроризму и экстремизму, в которых используется режим контртеррористических операций (КТО). Антитеррористические учения в отдельных регионах показывают, что требуются более четкие согласованные взаимодействия межведомственного уровня, особенно информационного и оперативного сопровождения действий силовых органов при террористической угрозе, полноценного привлечения необходимых средств оперативного штаба, выделенных для проведения контртеррористической операции¹.

¹ См.: Антитеррористическое учение «Рельеф-2023» проведено в Челябинской области. URL: [http://nac.gov.ru/antiterroristicheskie-](http://nac.gov.ru/antiterroristicheskie)

Все положения Стратегии соответствуют Конституции РФ, принципам и нормам международного права. В то же время Стратегия исходит из реального положения дел в обществе и государстве, которое постоянно меняется. Это изменение должно предусматривать меры упреждения и противодействия в динамике политического экстремизма, адекватные объективным угрозам и вызовам агрессивных и деструктивных сил, направленных на разрушение существующего порядка в стране и в мире.

Пределно крайним и насильственным проявлением политического экстремизма является терроризм, который в современных условиях основывается на самых радикальных взглядах экстремистской идеологии. Суть экстремистской идеологии состоит в том, чтобы насильственным способом изменить внутреннюю или внешнюю политику государства. Для этого используются аргументы грубого насилия и прямого террора. Угроза политического терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения радикально-экстремистской идеологии, призывающей к насильственному и необратимому изменению существующего строя и образа жизни.

Экстремистская идеология в современной политической жизни общества становится основным узлом, в котором сплетаются все нити экстремистских организаций – их цели, средства, направления и характер деятельности, членство и масштабы распределения в различных слоях общества. Основным способом экстремистской деятельности является нарушение стабильного порядка в обществе или дестабилизация социально-политической обстановки путем привлечения различных групп населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии превращаются в массовые беспорядки.

В Стратегии четко формулируются цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму, направленному на защиту основ конституционного строя, общественной безопасности, прав и свобод граждан. Эта цель ставится и принимается к исполнению мерами организационного и правового характера на трех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном уровнях. При этом учитывается постоянно меняющаяся объективная динамика результатов мониторинга в сфере противодействия экстремизму.

В ходе достижения целей эффективного противодействия политическому экстремизму и терроризму, в Стратегической программе технологически моделируются инструментальные меры и институциональные механизмы, реализация которых ставится в системную последовательность действий, требующих комплексного исполнения. Сюда

относятся институционально-технологические задачи по реализации и использованию единой государственной системы мониторинга и контроля за совершенствованием законодательной и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму. Сюда же относятся меры по организации в средствах массовой информации идеологического контента и сопровождения в противодействии идеологии экстремизма, профилактике, выявлении и пресечении угроз и преступлений экстремистской направленности.

Заключение. Практическая реализация целей, механизма и плана мероприятий по исполнению Стратегии противодействия экстремизму близится к завершению. Целый ряд задач и направлений по стабилизации общества выполнен. Правительству Российской Федерации, координирующему общие усилия на всех уровнях исполнительной власти, предстоит подвести итог. По итогам проделанной работы к «2025 году предусматривается обобщить достигнутые результаты реализации настоящей Стратегии и при необходимости сформировать предложения по разработке новых документов стратегического планирования в данной сфере, а также обеспечить принятие мер организационного характера на межведомственном уровне»¹.

Возникает настоятельная необходимость в развитии социальных механизмов публичного доверительного управления национальной безопасностью России, широкого вовлечения общественных и некоммерческих организаций. Динамичное развитие современного российского общества направлено на всемерное усиление социальных функций государства, устранение причин социальной неуравновешенности и дестабилизации, ведущей к конфликтному столкновению интересов между разными социальными слоями общества. Зная и учитывая разнообразие источников, предпосылок, возможностей и условий, находящихся в основе политического экстремизма и терроризма, можно гораздо эффективнее бороться с этими деструктивными явлениями, а не с людьми, оказавшимися в эпицентре тяжелых жизненных испытаний современной эпохи. Культура нравственных, правовых, политических коммуникаций между людьми, вовлеченными круговоротом жизни в разные тенденции и направления социальной динамики современного общества практически находится в зачаточном состоянии, а это почти не оставляет иного варианта в выборе и поиске приемлемых решений помимо силовых и агрессивных методов реализации целей.

[ucheniya/antiterroristicheskoe-uchenie-relef-2023.html](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/)
(дата обращения: 12.10.2023).

¹ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения: 12.10.2023).

Список источников

1. Магомедов Ш.Б., Гусейнов О.М. Политический экстремизм и терроризм: причины возникновения и пути преодоления // *Юридический вестник ДГУ*. 2023. Т. 46, № 2 (66). С. 13–23. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-13-23
2. Atkins S.E. *Encyclopedia of modern worldwide extremists and extremist groups*. Westport, CT.: Greenwood Press. 2004. 647 p.
3. Гудалов Н.Н., Тулунов Д.С. Семiotика стрессоустойчивости в международных отношениях: многообразии академических и политических смыслов // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2018. № 1 (88). С. 135-147.
4. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton University Press. 1990. 244 p.
5. Бардин А.Л., Сигаичев М.И. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2019. № 4. С. 24-41. DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41
6. Carothers Th. The end of the transition paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, no. 13(1), pp. 5-21. <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003>
7. Нужинова С.Л. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 1. С. 115-121.
8. Law J., Gallon M. Engineering and sociology in a military aircraft project: a network analysis of technological change. *Social Problems*, 1988, no. 35, pp. 284-297.
9. Wintrobe R. *Rational extremism: the political economy of radicalism*. Cambridge – NY: Cambridge University Press. 2006. 275 p.
10. Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия. М.: Юрайт, 2022. 295 с.
11. Neumann P.R., Smith M.L. Strategic terrorism: The framework and its fallacies. *Journal of Strategic Studies*, 2005 no. 28, pp. 571-595. <https://doi.org/10.1080/01402390500300923>
12. Яхьяев М.Я., Исаева Э.Г., Сумаева А.Р. Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве // *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9, № 2. С. 46-59. DOI:10.17759/sps.2018090204
13. Абисова К.С. Стратегическое планирование противодействия терроризму // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2022. № 2. С. 21-24. DOI: 10.25724/VAMVD.ZXYZ
14. Алибекова С.Я. Национально-этнические и религиозные аспекты общественной безопасности // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 19. С. 160-163.
15. Курбанов М.Г. Цивилизация и дикость в современной жизни: у истоков терроризма и экстремизма // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 5; в 2-х ч. Ч. II. С. 89-93.
16. Назаретян А.П. *Психология стихийного массового поведения*. М.: Академия. 2008. 160 с.

References

1. Magomedov Sh.B., Huseynov O.M. Politicheskii ekstremizm i terrorism: prichiny vzniknoveniya i puti preodoleniya [Political extremism and terrorism: causes and ways of overcoming]. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2023, vol. 46, no. 2 (66), pp. 13–23. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-13-23. (In Russ.).
2. Atkins S.E. *Encyclopedia of modern worldwide extremists and extremist groups*. Westport, CT.: Greenwood Press. 2004.
3. Gudalov N.N., Tulupov D.S. Semiotika stressoustoichivosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: mnogoobrazie akademicheskikh i politicheskikh smyslov [Semiotics of Resilience in International Relations: the Diversity of Academic and Political Meanings]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)* [Politeia. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics], 2018, no. 1, pp. 135-147. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-135-147 (In Russ.).
4. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton University Press. 1990.
5. Bardin A.L., Sigachev M.I. Diskursy razvitiya: sotsial'no-gumanitarnyi aspekt [Discourses of development: social and humanitarian aspects]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal]*, 2019, no. 4, pp. 24-41. DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41 (In Russ.).
6. Carothers Th. The end of the transition paradigm. *Journal of Democracy*. 2002, no. 13(1), pp. 5-21. DOI: 10.1353/jod.2002.0003
7. Nuzhnova S.L. Razvitie grazhdanskogo obshchestva posredstvom stanovleniya i funktsionirovaniya instituta obshchestvennykh sovetov pri gosudarstvennykh organakh [The development of civil society through the establishment and functioning of the institute of public councils at the state bodies]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS [State and municipal administration scientific notes]*, 2015, no. 1, pp. 115-121. (In Russ.)

8. Law J., Gallon M. Engineering and sociology in a military aircraft project: a network analysis of technological change. *Social Problems*, 1988, no. 35, pp. 284-297.
9. Wintrobe R. Rational extremism: the political economy of radicalism. Cambridge – NY: Cambridge University Press., 2006.
10. Archakov M.K. Politicheskij e'kstreizm: sushhnost', proyavleniya, mery' protivodejstviya. [Political extremism: essence, manifestations, counteraction measures]. Moscow: Yurajt Publ., 2022, 295 p. (In Russ.).
11. Neumann P.R., Smith M.L. Strategic terrorism: The framework and its fallacies. *Journal of Strategic Studies*, 2005 no. 28, pp. 571-595. DOI: 10.1080/01402390500300923
12. Yahyaev M.Y., Isaeva E.G., Sutaeva A.R. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty protivodejstviya terrorizmu v multikul'turnom prostranstve [Social and psychological aspects of terrorism's counteraction in multicultural field]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018, no. 9(2), pp. 46-59. DOI: 10.17759/sps.2018090204 (In Russ.).
13. Abisova K.S. Strategicheskoe planirovanie protivodejstviya terrorizmu [Strategic framework for countering terrorism. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii [Vestnik Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia]*, 2022, no. 2(61), pp. 21-24. DOI: 10.25724/VAMVD.ZXYZ (In Russ.).
14. Alibekova S.Ya. Natsional'no-etnicheskie i religioznye aspekty obshchestvennoi bezopasnosti [National, ethnic and religious aspects of public safety]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2015, no. 19, pp. 160-163. (In Russ.).
15. Kurbanov M.G. Tsvivilizatsiya i dikost' v sovremennoi zhizni: u istokov terrorizma i ekstremizma [Civilization and Savagery in modern life: at the origins of terrorism and extremism]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]*, 2012, no. 5(2), pp. 89-93. (In Russ.).
16. Nazaretyan A.P. Psikhologiya stikhiinogo massovogo povedeniya [Psikhologiya stihijnogo massovogo povedeniya]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 160 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курбанов Муса Гасангусейнович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук факультета психологии и философии Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. E-mail: kurbanovm@mail.ru

Поступила в редакцию 10.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 22.11.2023 г.; принята к публикации 25.02.2024 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurbanov Musa Gasangusejnovich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Regional Center for Ethnopolitical Studies of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Faculty of Psychology and Philosophy, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. E-mail: kurbanovm@mail.ru

Received 10.11.2023; approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 25.02.2024